

Глава 37. Прежний сон (часть 8)

Ван Цай поспешно сжался, запричитав с самым жалобным видом:

— Господин Чу, я всего лишь простой работник! Если бы я вздумал обвешивать покупателей, мне бы и сотни жизней не хватило на такую дерзость. Это всё наш доктор Фу...

Жун Жо мягко взглянул на Цзян Ехуна, призывая того сдерживать нрав и не перегибать палку. Он немного смягчился:

— И когда же в лечебнице Фуцзи начали так безбожно обкрадывать больных?

Ван Цай виновато опустил голову:

— Я пришёл сюда три года назад, и уже тогда всё было именно так...

Цзян Ехун лишь покачал головой, не зная, что и сказать на подобное бесстыдство.

— Ты упомянул, что владелица У приходила скандалить. Она действительно кричала, что её обманули с весом лекарств?

— Ох, господин Чу, ну как такое может быть правдой? — Ван Цай выглядел крайне обиженным.
— У Хуэйюнь и наш доктор Фу — двоюродные брат с сестрой. Каждый раз, когда она приходила за лечением, мы не брали с неё ни монеты, а травы подбирали самые лучшие.

— Тогда почему она явилась порочить доброе имя вашей лавки? — прищурился Цзян Ехун.

— Эх, я только краем уха слышал... скорее всего, из-за того дела...

Цзян Ехун невольно покосился на Жун Жо. В эти минуты спокойствия юноша был до того хорош, что напоминал искусную картину. Сердце главы павильона забилось быстрее, и он, напустив на себя как можно более невозмутимый вид, спросил:

— Что ещё за дело?

Ван Цай помедлил, прежде чем ответить:

— Как-то в начале года доктор Фу обмолвился... У Хуэйюнь прознала, что на границе сейчас хорошо идут лекарственные корни, и решила подзаработать. Она несколько дней изводила его просьбами, и тот в конце концов сдался — закупил для неё огромную партию товара. Но когда груз доставили, выяснилось, что их обвели вокруг пальца: лекарства оказались старьём,

кое-где даже покрылись плесенью. Продать такое невозможно. Деньги, разумеется, пропали, а ведь платил за всё из своего кармана. Сама же госпожа У после этого и словом не обмолвилась о возврате долга. Он долго не решался напомнить, — вы ведь знаете, наша лавка не так уж много приносит, — но в итоге всё же потребовал деньги назад.

— И владелица У отказалась платить? — уточнил Цзян Ехун.

— Не то слово! Она заявила, что доктор сам вызвался купить товар, а значит, и убытки ложатся на него. Мол, всё это были лишь слова, никаких расписок они не составляли. Доктор Фу долго бушевал от такой несправедливости. К счастью, при их уговоре были свидетели, и он пригрозил, что если она не вернёт деньги, он дойдёт до самого ямэня. Отношения у них испортились вкрай, вот она и пришла к нам в лавку, чтобы окончательно испортить доктору репутацию.

Цзян Ехун холодно усмехнулся про себя — как говорится, вор у вора дубинку украл.

— Значит, она нарочно очернила лечебницу, чтобы не отдавать долг?

— Доктор Фу именно так и считал, — охотно подтвердил Ван Цай. — Хоть они и росли вместе в одном доме, — родители доктора приютили госпожу У, когда та рано осталась сиротой, — человек она злопамятный. Пока ей выгодно — «братец» да «братец», а как дошло до дела, она мигом забыла всё добро и готова была удавиться за каждую иголку.

— И что же, доктор Фу так просто проглотил эту обиду?

Ван Цай понимающе ухмыльнулся. Было очевидно: Фу Юдао стоил своей сестрицы.

— Разумеется, нет. Он не из тех, кто подставит другую щёку. Он... в общем, он начал распускать слухи. Из-за этого швейная мастерская У потеряла немало старых клиентов.

Цзян Ехун едва сдержал ироничный смех:

— И какие же слухи он пустил?

— Будто ткани в лавке У — копеечное тряпье, которое она продаёт втридорога.

Глава павильона лишь диву давался этой парочке — стоили друг друга.

— Кроме владелицы У, у вашего доктора были ещё враги?

Ван Цай замялся. Репутация у лечебницы Фуцзи всегда была скверной, и недовольных хватало

с избытком.

— Ох, ну что тут скажешь... Доктор Фу действительно многих задел. Бывало, он брался за осмотр навеселе и выписывал рецепты, которые совсем не помогали, так что...

— И как так ваша лавка до сих пор не закрылась, — пробормотал Цзян Ехун. — Говорят, раньше доктор Фу и У Хуэйюнь жили на улице Чунмин. Кстати, об этом: ходят слухи, что во время той вспышки чумы именно ваш хозяин составил рецепт, который спас людей. Но, глядя на его манеру лечить под мухой, я сильно сомневаюсь, что это его работа.

Ван Цай задумался:

— Тут я не силён, врать не буду. Но, честно говоря, многие тогда в этом сомневались.

Цзян Ехун поднялся:

— Когда ваша хозяйка придёт в себя, немедленно сообщите мне. Нужно прояснить кое-какие детали.

— Обязательно сообщу, — заверил работник.

— А-Жо, пойдём.

Едва они переступили порог лечебницы, Цзян Ехун в сердцах выругался:

— Ну и дрянь же этот народец.

Жун Жо лишь понимающе улыбнулся:

— Действительно, люди незавидные. Один безответственен к больным, вторая лишена всякой чести в делах. Неудивительно, что их заведения пустуют — это лишь плоды того, что они сами посеяли.

— И не говори, — подхватил Цзян Ехун. — Как таких вообще в лекари пускают? Одно вредительство.

— Врач-недоучка хуже болезни, — кивнул Жун Жо. — Однако вражда между У Хуэйюнь и Фу Юдао очевидна. Судя по их нравам, обиженных ими людей должно быть предостаточно.

Цзян Ехун потёр подбородок:

— Вот только У Сяомэн до сих пор не нашли. После смерти У Хуэйюнь на неё падают все подозрения. И куда она могла деться?

Жун Жо заметил уличного артиста, показывающего театр теней. Вокруг него собралась стайка щебечущих ребяташек. Он подошёл ближе, присмотрелся, и вдруг его осенило.

— Старший брат Чу, кажется, я понял, откуда взялась тень на окне!

Цзян Ехун застыл в недоумении, а Жун Жо уже тянул его за руку обратно к дому погибшей.

— А-Жо, что ты придумал? Не беги так быстро, упадёшь!

Но юноша, не слушая, взлетел на второй этаж дома У Хуэйюнь. Он замер перед стеной, внимательно изучая её поверхность.

— Всё именно так! Смотри на стену!

Цзян Ехун, переводя дыхание, проследил за его рукой. На стене над окном, там, где она была покрыта гарью, виднелись крошечные отверстия, расположенные в строгом порядке и уходящие к самому потолку.

— Это ещё что?

В голосе Жун Жо слышался азарт исследователя:

— Старший брат Чу, полагаю, раньше здесь были вбиты гвозди или какие-то крепления. Для нитей.

— Для нитей?

— Да. Как в театре теней, только в гораздо большем масштабе. Это объясняет, почему при запертых дверях мы видели поющую фигуру и то, как тело У Хуэйюнь вдруг приподнялось.

Цзян Ехун уставился на едва заметные проколы в закопчённой стене, погрузившись в раздумья:

— Но откуда убийца управлял этой «марионеткой»?

Жун Жо указал на узкое потолочное окно прямо над квадратным столом:

— С крыши.

— С крыши? — Цзян Ехун не верил своим ушам. — Ты хочешь сказать, убийца лежал на крыше и дёргал за ниточки?

Жун Жо серьёзно кивнул:

— Если не веришь, поднимись и проверь сам.

Цзян Ехун взобрался на крышу. Возле слухового окна черепица действительно была раздавлена, словно под весом человеческого тела. Он вытер лицо ладонью:

— Ну и фокусы!

Вернувшись в комнату, он задал следующий вопрос:

— Допустим, убийца был снаружи. Но как тогда зажглись свечи внутри?

Жун Жо улыбнулся:

— А что, если всё было проще? Убийца зажжёт свечу заранее и спустил её в комнату через то же окно.

Он взял подсвечник:

— Посмотри, внутри он совершенно чист, даже следов воска нет. Видимо, им давно не пользовались. Значит, свет шёл не от этого подсвечника. Его спустили сверху на нитях. Я даже подозреваю, что самого подсвечника в комнате не было. Видишь эту глубокую вмятину на столе?

Цзян Ехун коснулся углубления в дереве:

— Ты хочешь сказать, он просто сбросил подсвечник сверху? Но зачем? И если свеча висела на нити, мы должны были видеть её тень. Однако тени не было.

Жун Жо поставил подсвечник на место:

— А если её скрывала сама фигура «марионетки»?

Цзян Ехун замолчал. Если расположить свет точно за фигурой, тени от нитей действительно не

будет видно. Такая точность требовала долгих тренировок.

— Если так, то становится ясно, зачем нужно было поджигать стены и потолок. Он облил их маслом, и огонь уничтожил все следы креплений и нитей. А подсвечник он забрал, потому что...

Жун Жо вздохнул:

— Возможно, чтобы освободить руки. Он не мог одновременно управлять марионеткой и держать нить со свечой.

— Звучит логично. Но зачем тогда порох на подоконнике?

— Чтобы наверняка уничтожить куклу. Даже если бы она не сгорела, взрыв разнёс бы её в клочья. В тот момент все были во дворе, и никто бы не заметил, как человек спрыгивает с крыши. Так что это точно не кто-то из слуг дома У.

— Верно, — согласился Цзян Ехун. — Но могла ли это быть У Сяомэн?

— Трудно сказать. Нужно сначала её найти.

Они спустились вниз. Жун Жо напоследок решил заглянуть в спальню хозяйки.

— В прошлый раз там был такой кавардак, что я не успел всё осмотреть, а меня кое-что заинтриговало.

Он подошёл к кровати У Хуэйюнь и снял висевший у изголовья расшитый мешочек с благовониями.

— Одолжи мне свой меч.

Цзян Ехун выхватил клинок и протянул его юноше. Тот осторожно вспорол ткань, и на ладонь посыпалась измельчённая смесь трав.

— Так и есть. Дурман. Внутри был спрятан дурман.

— Что?.. Получается, кто-то планомерно травил У Хуэйюнь?

Жун Жо внимательно изучал изящные стежки на мешочке:

— Судя по почерку иглы, это работа У Сяомэн. Я видел её вышивки в лавке — один в один.

— Если так, то неудивительно, — пробормотал Цзян Ехун. — После всех издевательств и принудительного труда она вполне могла затаить злобу. Но если У Сяомэн и шага не могла ступить без надзора хозяйки, где она взяла ядовитую траву?

— В этом-то и загадка, — Жун Жо нахмурился. — Нужно ещё раз расспросить слуг. Дом Чао Шэна ведь неподалёку? Пойдём к нему.

Когда они подошли к дому Чао Шэна, тот как раз колот дрова во дворе. Увидев Цзян Ехуна, он заметно напрягся.

— Ло... Ловец Чу? Что привело вас сюда? — выкрикнул он так громко, что эхо разнеслось по всему двору.

Жун Жо заметил, как в домике слева чья-то рука, только что приоткрывшая створку окна, мгновенно скрылась в глубине.

— Нужно кое-что уточнить, — сухо бросил Цзян Ехун.

Чао Шэн отложил топор:

— Спрашивайте.

Цзян Ехун достал вспоротый мешочек:

— Это У Сяомэн вышивала?

Чао Шэн запнулся:

— Да... Хозяйка плохо спала по ночам, и лекарь составил для неё успокоительный сбор. А барышня своими руками сшила для него этот мешочек.

— А ты знал, что к «успокоительному сбору» кто-то подмешал дурман?